

А.В. Калашников

*Воспоминания
рядового*

**Фотография под знаменем полка
в качестве поощрения.**

**Город Кёнигсбрюк. 1946 год.
В центре Александр Калашников.**

Посвящается 70-летию победы над фашисткой Германией

*«...Дни и ночи у мартеновских печей
Не смыкала наша Родина очей
Дни и ночи битву трудную вели
Этот день мы приближали как могли...»*

В. Харитонов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Александр Васильевич Калашников — участник Великой Отечественной войны, с боями прошедший Польшу, Германию, штурмом бравший Берлин.

Эта книга была составлена по отдельным статьям, не связанным единым повествованием. Все статьи были написаны самим ветераном. В них он делится своими воспоминаниями и рассказывает о событиях Великой Отечественной войны, через которые ему пришлось пройти. Это годы фашисткой оккупации, форсирование Вислы, освобождение Польши, переправа через Одер, берлинское наступление, взятие Берлина и празднование первого Дня Победы у поверженного рейхстага.

ГАЛЯ С ОСТРОВА ХОРТИЦА

*«О, Днепр, Славутич!
Ты пробил си каменные горы,
Сквозь землю Половецкую»...
— Слово о полку Игореве*

1930 год. Село Большая Знаменка Запорожской области. Наш отец не захотел вступить в колхоз. Сдал властям землю, которую получил после революции, и вся семья: отец, мать и пятеро сыновей — уехала в город Запорожье на строительство первой в СССР крупнейшей гидроэлектростанции. Мы поселились в бараке на берегу Днепра, ниже строившейся ГЭС, против острова Хортицы, который разделяет Днепр на новый и старый.

Калашниковы в 1940 году. Справа — Александр.

На правом берегу старого Днепра только в одном месте нет гранитных скал, и поэтому переправиться на остров можно только тут. Вот и образовался здесь прямо на берегу рабочий поселок под названием Царская пристань. Согласно преданиям, именно здесь Екатерина II со своей свитой, обойдя пороги, пересаживалась на корабль, присланный с Херсона графом Потемкиным. Тут и расположились наши бараки. Многие семьи сделали себе лодки и ловили рыбу, которой тогда было очень много, всякой разнообразной.

Мы, пацаны поселка, летом находились больше на берегу и на лодках, чем дома. Уплывали вверх и вниз по течению, изучая окрестности, осваивали остров Хортицу и заросшие дикими яблонями, грушами, терном и барбарисом овраги длиной до километра. А степи правобережья были в те времена дикими, поросшими ковылем-шелковой травой. Ковыль колышется, как море — загляденье! В степи было много непуганой дичи, даже дрофы бегали, которых уже давно нет. На протяжении жизни только одного поколения все это исчезло. Цивилизация уничтожила всю эту первозданную природу. Даже воду в Днепре превратили в непригодную для жизни рыб и купания людей. А ведь на острове Хортица каждый завод Запорожья имел прекрасные дома отдыха со спортивными городками, водными станциями, байдарками, лодками.

Но больше всего мы пропадали на острове Хортица, на Запорожской сечи, сооруженной запорожскими казаками. Находили ржавые детали

конской упряжки, стремена, медные пуговицы от польских жупанов, изъеденные ржавчиной, казацкие клинки, кривые сабли турецких янычаров. Все это мы относили в краеведческий музей, где мы были частыми гостями.

А однажды, купаясь на берегу острова, мы обнаружили лодку, которая была зарыта в песчаное дно реки, из песка едва выглядывала ее носовая часть. Мы раскопали ее почти всю. Оказалось, что это была древняя лодка-долбленка, т. е. выдолбленная из цельного дубового бревна. Веками находясь в воде без доступа воздуха, древесина превратилась в так называемый мореный дуб. О находке сообщили в музей, ее вскоре увезли, а мы сочиняли версии об истории этой лодки. Хотя мы и знали, что Н.В. Гоголь придумал о Тарасе Бульба, но верили, что Тарас с Остапом и Андреем переправлялся на остров именно в этом месте. А может в этой лодке?

В 80-х годах прошлого века на острове Хортица произвели полную реконструкцию Запорожской Сечи и ее укреплений. А рядом соорудили красивые здания музея с экспонатами Сечи, предметами казаков, турок и ляхов. Там хранилась даже копия знаменитого письма запорожских казаков турецкому султану со всеми откровенностями, выраженными в его адрес.

А еще нас манила всегда пещера в скале острова со стороны плотины ГЭС. Интерес состоял в том, что вход в нее был ниже поверхности воды в Днепре. И только в жаркое лето, когда уровень

воды в Днепре понижался, этот вход обнажался. Но это бывало редко, и мы не ждали такого случая, а подплывали на лодке к пещере, ныряли и выныривали уже в пещере. Там было темно и очень страшно. Мы быстро выныривали оттуда к лодке. А интерес подогревался рассказами взрослых об одном случае, когда казаки ушли в поход, а в сечи оставили небольшой гарнизон. Турецкие янычары тайно пробрались к сечи и напали на казаков. Силы были не равные, и казакам пришлось спасаться бегством. Они бежали к этой скале высотой метров 10-15 и прыгали в воду, ныряли в пещеру, и там выжидали пока турки покинут Сечь. Только так гарнизон уцелел.

Недалеко от этой пещеры, на отвесной скале, было большое гнездовье галок. Гнезда были почти в недоступном месте, но среди нас нашелся пацан, который обвязался веревкой, и спустился вниз к гнездам. Взял однолетнего птенца, уже почти взрослого, положил себе за пазуху, а мы подняли его вверх.

Почти все мы жили в одном бараке, а поэтому птенец был у нас общим. За ним ухаживали все, и дети и взрослые. Он был всеобщим любимцем. Галчонок быстро научился летать, а называли его — Галей.

Он был очень общительный, привык ко всем и не боялся садиться на плечо тому, кто угощал его. Но эта Галя причиняла нам и неприятности. Летом почти все домохозяйки находились во дворе, где у всех были летние кухонные плиты, чу-

гунные с кругами. Здесь женщины готовили еду, общались, сидели за шитьем или вязанием, а Галя вертелась возле них. Она умела так незаметно стащить наперсток, булавку, спицу, ключи от квартиры, что никто и не догадывался куда это девалось. И только позже поняли. Но хорошо, что она это «добро» не уносила далеко, а складывала на крышу «своего» крыльца. Там мы все и находили. Галя даже перетаскала с соседнего крыльца сушившиеся на солнце яблоки, все до кусочка. Пришлось все собирать и возвращать соседям, да еще и извиняться.

Но, несмотря на ее шалости, все ее любили и жалели.

Когда мы всей гурьбой собирались ехать на лодке куда-нибудь, она это сразу улавливала, и быстрее всех прилетала именно к нашей лодке, усаживалась на ее нос. Находясь на острове, мы ее не видели среди нас. Она улетала по своим делам или к своим сородичам, но в конце дня, собираясь домой, мы звали: «Галя! Галя!», и она сразу же появлялась, садилась на свое место, и мы отправлялись домой. Так было несколько лет. Наша общая Галя всегда была с нами и являлась как бы членом нашей команды.

Но пришла война. Докатилась и до Запорожья. Галя куда-то улетела, а когда фронт отошел далеко на восток, мы остались под оккупацией. Но Галя к нам больше не прилетала. Куда она девалась, мы не знали. Вероятнее всего, она улетела в родные гнездовья или в глухомань острова Хортица.

АВГУСТ СОРОК ПЕРВОГО

*«Вставай страна огромная,
Вставай на смертный бой,
С фашисткой силой темною,
С проклятою ордой»*

— В. Лебедев-Кумач

Я хочу рассказать только о том, как я лично воспринял начавшуюся войну, о своих переживаниях.

Война не была внезапной, она созревала и это ощущала вся Европа. Мне тогда было почти 16 лет, и я уже понимал, что происходит в мире. Угроза войны явно висела над нами, и это все понимали, но когда Германия в 1938 году «присоединила» к себе Австрию, а 1 сентября 1939 года напала на Польшу, стало ясно, что вторая мировая война началась.

Парад в Москве 7 ноября 1941 года

В 1940 году Германия оккупировала Францию, Бельгию, Голландию, Грецию, Югославию, Болгарию и Румынию. Немецкие войска подошли вплотную к границам нашей страны. Настала очередь СССР, осталось только ждать, когда это случится.

Все понимали, что это для нас значило. Многие помнили, как в 1918 году Германия оккупировала Украину, войска дошли до Ростова, грабили население, вывозили хлеб, скот, металл, оборудование. Из газет мы знали, что творили фашисты в Польше и в других оккупированных странах, о концлагерях, массовых расстрелах и других зверствах. Разговоры взрослых, их тревоги передавались нам, детям, и мы становились взрослее.

Все разговоры были только о войне, и все это давило гнетом и страхом. Люди осознали, что уже ничего нельзя сделать, чтобы предотвратить войну, которая быстро надвигалась на нас, поэтому всем умом и сущностью своей мы боялись нападения Германии на СССР.

Но то, что случилось 22 июня 1941 года, скорбная дата для страны. Рассказать невозможно каким ударом это было для нас! Люди сразу стали другими, угрюмыми, серьезными и подавленными. 18 августа 1941 года немецкие войска заняли правобережную часть Запорожья. Началось то, что происходило в Польше. Вылавливали евреев и коммунистов, вывозили их к противотанковому рву и там расстреливали, забирали хлеб, скот, насильно вывозили молодежь в Германию, создавали концлагеря.

На левобережье города были заводы: машиностроительный, листопрокатный, сталелитейный, доменные и мартеновские печи, завод авиационных двигателей... Наши войска здесь удерживали фронт целый месяц, чтобы демонтировать все заводы и вывезти на восток все оборудование. Мы жили на правом берегу и сразу оказались под оккупацией.

Овладев экономикой оккупированных стран, Германия усилила мощь своей армии и продвигалась вглубь нашей страны. Гибли миллионы людей с обеих сторон. Четыре года длилась эта война, но наш народ выстоял и обратил вспять эту зловещую силу — туда, откуда она пришла.

ПОДВИГ НАШЕЙ МАТЕРИ

*«Ридна маты моя,
ты ночей нэ доспала...»*

— **Андрій Малишко**

После оккупации немцами Запорожской области наша семья переселилась в село Большая Знаменка, откуда мы родом. С оккупированной территории немцы постоянно отправляли в Германию трудоспособное население для работы там в качестве рабов. Но желающих ехать туда добровольно почти не было, поэтому немцы периодически проводили облавы в городах и селах. Да! Настоящие облавы, какие устраивают охотники на зверей, только в широких масштабах, с привлечением не

только полиции, жандармерии, но и войск с их четкой организацией этого дела.

Одна из таких облав была намечена на январь 1943 года в нашем районе — в селах, расположенных вдоль Днепра: Знаменка, Каменка и Водяное. Добрые люди нам сообщили об этом. Мне тогда было 18, а брату Якову 16. Поэтому нам надо было срочно уйти, скрыться. Но при таком масштабе облавы уйти было некуда, кроме как на противоположный берег Днепра. А между нашими селами и рекой простирались днепровские плавни. Это лиственные леса, затопляемые каждой весной в половодье, ширина их составляла 10-15 км.

Наша мама приняла решение перейти на правый берег Днепра и уйти в Запорожье, где мы жили до войны. Там находился наш отец. Но напротив нашего села ширина плавни была около 20 км, а в Каменке вдвое меньше. Вот мы и пошли в Каменку, где жили наши родственники.

Преодолев 10 км, к вечеру мы были у них. Мама рассказала о цели нашего прихо-

да и просила помочь нам. После короткого совещания родственник пошел к соседу, который служил в полиции, но был своим человеком. Тот был в курсе операции, запланированной немцами, и сказал, что вокруг нашего района уже выставлены посты со стороны степей и со стороны Днепра. Практически не было никакого выхода.

Но он дал один совет и предупредил, что осуществить его почти не возможно. Он подробно рассказал, что между Каменкой и Водяным есть старая заросшая дорога через плавни в сторону Днепра. По ней и надо идти до берега, где остановиться и осмотреться, дожидаться темноты. Сам Днепр надо переходить только ночью — днем все пространство хорошо просматривается.

Альтернативы никакой не было, и мы решились на переход. Переночевав, затемно вышли из дома. Родственник проводил нас до этой дороги — сами мы бы ее не нашли: темно и все занесено снегом, а он местный, все знает. Дал на прощанье наставление, и мы пошли. Но «пошли» — это не то слово. Войдя в лес, мы увидели, что все занесено снегом глубиной по колено, а местами по пояс.

С рассветом стало видно только эту просеку и больше ничего, никаких ориентиров. Но идти было необходимо. Мы не шли, а ползли по снегу, местами карабкались, упирались руками и ногами, с трудом преодолевая каждый метр. Через каждые 10-15 метров менялись местами — последний занимал место первого. Через каждые полчаса мы останавливались и отдыхали. Потом опять шли. Через пол-

дня мы так устали, что на привалах уже не могли вставать на ноги. Казалось сил больше нет, но мы упорно шли-ползли. И таким образом мы карабкались почти весь день. А прошли всего-то 8-10 км. К вечеру мы увидели конец леса и поняли, что там Днепр.

Мы помнили, что переходить его можно только в темноте. Поэтому мы залегли и отдыхали, дожидаясь ночи. А было все это 13 января 1943 года, вечер перед старым Новым годом. Запомнился нам этот зимний день.

Когда полностью стемнело, слева и справа от нас стали периодически стрелять из пулеметов, очередь за очередью, бесприцельно, для острости. Мы поняли, что находимся там, где нам надо. Немного привыкнув к стрельбе, мы двинулись через Днепр. Хорошо, что немного отдохнули. Очень старались скорее перейти реку, чтобы нас не заметили, чтобы не попасть под пулеметные очереди. И все время в голове крутилась нехорошая мысль: что нас ждет на том берегу, нет ли там немецких постов?

Берег, к которому мы так стремились, поднимался на возвышенность и оказался большим препятствием. Мы ползли на четвереньках, но все равно скользили вниз, а упереться было некуда, схватиться не за что. Мы выбились из сил, но в конце концов вышли наверх и оказались перед хатами. Это было село Марьевка. На наше счастье нас в темноте никто не видел, мы подошли к ближайшей хате. В окнах горел свет, мы постучались и

вошли. Стали проситься переночевать, а сами еле стояли на ногах. Но хозяин замахал на нас, как на привидение — видимо такой неприглядный вид мы имели. Потом, успокоившись, сказал, что нам надо идти к старосте села за разрешением — таков был приказ немецких властей. Но это в наши планы никак не входило.

Наверное наш вид был таким жалким, мы выглядели настолько измученными, что хозяин сжалился, оставил нас в хате, принес со двора охапку соломы, разложил на полу и мы стали на ней разуваться. Хозяйка дома полезла в печь, достала горшок с картошкой в мундире, они сели за стол и пригласили нас. Накормили и предупредили, что мы должны рано утром, затемно, уйти из хаты и села так, чтобы нас никто не видел.

Мы были рады, что нас приютили, обогрели, накормили и не выдали старосте. Рано утром мы сделали так, как нам велели, поблагодарив Бога и хозяев, что наш трудный и опасный переход прошел благополучно. До Запорожья оставалось 25 км, которые мы одолели за следующие сутки.

Всю жизнь вспоминаю я тот жуткий ночной переход через Днепр и совсем чужих нам людей, смелых и жалостливых, рисковавших жизнью, поступивших по-доброму, несмотря на запрет властей.

Вот таким образом наша мать, Ефросинья Андреевна (на фотографии выше), с помощью родственников и чужих людей спасла нас от фашистского рабства.

РОДИЛИСЬ В РУБАШКАХ

Ноябрь 1943 года. Наша семья — отец, мать, младший брат и я — жила в это время в селе Большая Знаменка Запорожской области. Три старших брата в первый месяц войны ушли на фронт.

Войска нашей армии после великой битвы на Курской дуге успешно продвигались, освобождая от фашистов левобережную Украину. До нашего села оставалось 20 км.

Мы хорошо знали, что немцы перед отступлением вылавливали мужское население и угоняли в Германию. Чтобы не попасть под эти облавы, наши мужчины ушли в Днепровские плавни. Это лиственные леса между Днепром с его протоком, называемым Конкой.

Переправившись через Конку, мы оставили лодки на берегу, привязав их к вербам. В плавнях соорудили шалаши и стали ждать прихода наших войск в село. С каждым днем фронт приближался все ближе и ближе. Мы уже явно слышали гул передовой линии. Но через неделю нашей радости поубавилось, так как наступление было приостановлено. Три месяца непрерывных боев ослабило войска, требовалось пополнение живой силой, вооружением и техникой.

Немецкое командование воспользовалось этим и стало делать облавы, отправляя мужчин в свой тыл. Им стало известно, что многие прячутся в плавнях, и они стали прочесывать этот лес. В один из дней дошел черед и до нашего расположе-

ния. Получилось так, что мы с моим соседом, что на год моложе меня, бродили по лесу. Когда вернулись в лагерь, он был пуст, не осталось ни одного человека, все куда-то подевались. Вдали слышались выстрелы и автоматная очередь. Хотя мы и перепугались, но решили отправиться домой. Отойдя от леса метров на 500-700, заметили вдали цепь немецких автоматчиков. В душе был жуткий страх, но бежать назад было уже поздно. Тогда мы с Петром договорились, что ищем корову, и пошли прямо на немецких автоматчиков. Нас остановил окрик: «Хальт!» Нас стали спрашивать кто мы и зачем здесь ходим. Говорили, конечно, по немецки, но я все понимал. Дело в том, что до войны в школе нам отлично преподавал немецкий язык житель немецкой колонии по своей методике. Он научил нас разговорной речи. Теперь мне это пригодилось. Спасибо ему!

Я отвечал на вопросы солдат, а они проверили наши сумки. И нам поверили! Мы пошли, боясь оглянуться, ожидая автоматной очереди в спину. Через какое-то время мы все же посмотрели назад и немного успокоились. Колени все еще дрожали, потому что мы знали правило немцев стрелять в каждого выходящего из леса без всяких объяснений. И вот мы подходим к Конке, через которую нам надо переправиться. А там — почти дома.

Вдоль берега росли вербы и кусты лозы. Мы повернули к тому месту, где должны быть лодки и увидели ужасную картину... В лодках в страшных позах лежат наши ребята. А вдоль берега между

вербами и кустарниками валяются трупы мужиков и ребят. Мы пришли в ужас и растерялись.

Позже я понял, что это Божья сила заставила нас уйти из лагеря и бесцельно бродить по лесу, чтобы не оказаться убитыми возле лодок. Бог отделил нас от общей группы и спас в тот день.

Потом пошли к месту брода, разделись догола, перешли речку, вышли на родной берег, не ощущая холода, — а ведь был уже конец октября. Не успели мы одеться — подъехал немецкий мотоциклист. Опять: «Хальт!», опять вопросы. Я, как мог, объяснил ему, что нас уже спрашивали и осматривали автоматчики, показывая рукой на удаляющуюся цепь солдат, что нас отпустили домой. Он сказал: «Пошли вон!», сел на мотоцикл и уехал. А мы стали одеваться.

Между Конкой и селом была маленькая лесопосадка, в которой мы спрятались до вечера, чтобы больше не встречаться с немцами. Когда стемнело отправились домой, где нас встретили родители с радостью и слезами.

Такие воспоминания приходят на память, невзирая на годы, удаляющие те события. Это не забывается...

ПОБЕГ

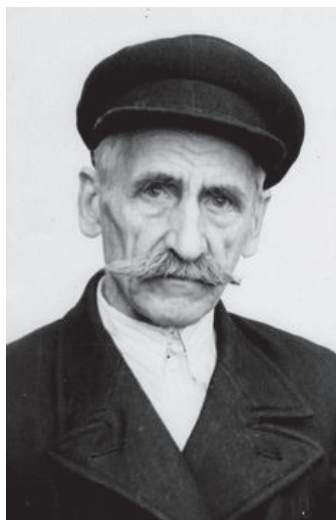
Находясь под фашисткой оккупацией, нашей семье в натуре пришлось познакомиться с новым порядком, который гитлеровцы установили в покоренной Европе. Мы пережили все ужасы окку-

пации: насилие, расстрелы, грабежи, вывоз в Германию всех богатств государства, а также всего трудоспособного населения.

Люди не хотели ехать в Германию и работать там во вред нашей стране и Красной Армии, поэтому в наших городах и селах систематически проводили облавы на людей, как на животных или диких зверей. Разлучали детей с родителями, молодежь со стариками. Тех, кто очень сопротивлялся и убегал, отправляли в концлагерь. Бежавших ловили и расстреливали перед населением.

Все население находилось в постоянном страхе и напряжении, никто не знал, что будет сегодня и завтра. И тем не менее, люди боролись, как могли, против этого произвола. Меня тоже ловили, но мне удавалось каждый раз бежать. Один раз бежал даже из лагеря. Но сейчас я хочу рассказать о моем младшем брате и об отце.

Когда меня в последний раз поймали, то отправили в лагерь нашего района в село Каменка, а потом вывезли в город Никополь Днепропетровской области. Всю информацию народ передавал друг другу, знакомые и не знакомые. Вот мои родители и узнали, что я нахожусь в Никополе. Тогда мой отец (на фото справа)

взял с собой моего младшего брата Якова, чтобы спрятать его от очередной облавы у дальних родственников в Никополе, и они переправились через Днепр по льду. Было это в Январе 1944 года. А потом он надеялся передать мне передачу, но оказалось, что в этот же день была облава в Никополе, и они оба попали в нее.

Со всего города немцы машинами свозили народ на железо-дорожный вокзал. Их загружали в товарные вагоны для отправления в Германию. Все люди были оцеплены военными жандармами и солдатами, а за их спинами — толпы родственников угоняемых. Стоял, стон, плач, крики, вопли. Солдаты загоняли людей в вагоны, били прикладами автоматов, пинками, ногами...

Подошла очередь и моему отцу с Яшей зайти в вагон. Но в этот момент солдат повернулся спиной к вагону и попросил прикурить у другого солдата. Не теряя ни секунды, папа взял Яшу за руку и дернул его за собой под вагон, и проскользнули они под ним так быстро и ловко, что никто из жандармов не заметил. Оказавшись с другой стороны железной дороги, они выпрямились и увидели, что в метрах двадцати от них ходит часовой, и медленно к ним приближается. Мои беглецы от неожиданности растерялись и замерли. А часовой круто развернулся и также пошагал в обратную сторону. Отец потащил брата под другой состав, и они исчезли из поля зрения фашистов.

За станцией была степь. Поздний вечер. Темно. Они побежали по степи и слышали стрельбу на

вокзале. Крики немцев: «Партизанен!». Все автомашины включили фары и осветили всю территорию. Видимо, прикурнувший немец понял, что старик с пацаном исчезли, убежали у него под носом и поднимал тревогу.

Буквально через 2-3 минуты две автомашины оказались за станцией и уже колесили по этому полю, светили прожекторами, стреляли из пулеметов в разные стороны — куда попало. А беглецы, к счастью, упали в канаву, лежали, не шевелясь и не дыша. Найти их немцы не смогли и уехали.

Так, рискуя жизнью, отец спас себя и сына от отправки в Германию. Что это было: совокупность случайностей, большая удача? Нет! Без Божьей помощи такой дерзкий побег нельзя было бы совершить, заранее не готовясь. В течение суток они дошли до Запорожья.

Фронт неудержимо приближался к Никополю. Наш лагерь немцы пешком погнали на запад. За Кривым Рогом колонну начал бомбить советский самолет. Я использовал этот момент и сбежал. В меня не попали ни осколки бомб ни пули немецких пулеметов. Как я смог невредимым пробежать между рвущимися снарядами и уцелеть, я не знаю. Я добежал до посадки деревьев и пошел к какому-то селу. Спрятался в погребе, а утром 8 марта 1944 года это село освободила конница кавалерийского корпуса генерала Кириченко.

Они гнали немцев по улице села, рубили их на скаку. Это надо было видеть! Босые гитлеровцы в

нижнем белье бежали от настигающих всадников с саблями наголо. Немцы метались, пытались отстреливаться, а наши конники рубили их на ходу. А я стоял тут же и плакал. Рыдал. Меня трясло, я не мог успокоиться, пока не выплакался. Я всматривался в лица советских солдат и пытался разглядеть в них своих трех старших братьев. Какие они все эти солдаты были нашими, своими, родными. Нашими освободителями!

Никак мне не верилось, что для меня кончилось фашистское иго, кошмары, постоянное напряжение, унижение, расстрелы. Этих чувств нельзя передать. Но я понимал, что ко мне вернулась настоящая жизнь, настоящая свобода, не надо было бояться, прятаться, голодать и мерзнуть, можно спокойно спать, смеяться, радоваться. Чувствовать себя человеком...

Все это понимают только те, кто сам пережил оккупацию фашистов, на себе узнал, что такое фашизм. Я был только каплей от того моря миллионов людей, попавших под оккупацию.

Вот, что такое война, какая она была. В этом же месяце я и мой брат Яков ушли на фронт. Непокоренными, не сдавшимися благодаря нашим родителям.

О БРАТЬЯХ

Хочу кратко сказать о моих братьях. В нашей семье было пять сыновей. Старший, Григорий, погиб при обороне Крыма в 1941 году.

Второй, Иван, прошел всю войну с первого до последнего дня. Был водителем танка, который дважды подбивали. Из всего экипажа живым остался только он. В боях под Кенигсбергом у танка порвало гусеницу. Экипаж машину не бросил, смог заменить поврежденную часть прямо на поле боя под рвущимися снарядами и продолжил атаковать немецкие окопы. Он вернулся домой, не получив ни одного ранения и контузии.

Третий брат, Петр, тоже был танкистом, воевал с 1939 года на Халхинголе с японцами, а потом и с немцами. Разрывом снаряда его тяжело контузило. Он целый год лечился в госпиталях, но живым вернулся домой, правда, голова его стала белой.

Младший брат, Яков, во время одной атаки был ранен в плечо, кисть руки и голову, потерял глаз. Он стал инвалидом, не достигнув 18 лет, но вернулся домой тоже живым.

Это редкий случай, когда из пяти братьев погиб только один. А когда мы собрались под одной крышей, наша мама сказала: *«Ежедневно, днем и ночью, всю войну я молилась о вас, чтобы Господь хранил моих сыновей»*. И Бог услышал ее молитвы, Он был с нами, мы чувствовали Его присутствие.

Это был великий молитвенный подвиг нашей мамы.

А вот исторические факты.

2 июля 1941 во время грандиозного митинга в Мэдисон-Сквер-Гарден (Нью-Йорк) митрополит Алеутский и Североамериканский Вениамин произносит потрясающие слова: «Настоящее столкновение Советского Союза с Германией произошло в знаменательный день — единственный день в году, когда русская православная церковь празднует память «Всех Святых Земли Русской». И этот день совпал с 22 июня в этом году! Это совпадение несомненно не случайно. Оно дает нам великую надежду, что начатая борьба кончится благом для нас концом... Момент наступил самый страшный и ответственный для всего мира. Можно и должно сказать, что от конца событий в Советском Союзе зависят судьбы мира». А закончилась Великая Отечественная война нашей победой к празднику Воскресения Христова — к Пасхе 1945 года.

ВИСЛА

Путь к победе был долгим и трудным. Ее ковали, когда отступали, в битве под Москвой, и в Сталинграде, и на Курской дуге, и на Днепре...

...Январь 1945-го. Висла. Зима была очень холодная и снежная, а мы находились в окопах на восточном берегу реки. Измотанные осенними наступлениями, наши войска ослабели из-за больших потерь. Мы ждали пополнение солдатами, боеприпасами и техникой. Обогреться было

негде — казалось мы промерзли до костей. Еду доставляли в окопы в термосах, но получив свой котелок, приходилось все есть уже холодным — блюдо остывало за минуту. Этих холодов, этого промерзания я никогда не забуду. И каждую послевоенную зиму я вспоминаю ту далекую зиму под Вислой.

Восточный берег Вислы, где мы находились, был низменным и ровным, а западный — на возвышении. Наши позиции хорошо просматривались противником, и нас непрерывно бомбили и обстреливали из орудий. Наши окопы были «перепаханы», все — в сплошных воронках.

Наступления мы ждали с нетерпением. Наконец 12 января 1945 года оно началось. Это было крупнейшее в истории Второй мировой войны наступление советских войск. Оно развернулось на 1200 километров фронта, от Балтики до Дуная. Я находился в войсках Первого Белорусского фрон-

та на Варшавско-Берлинском направлении. Только здесь участвовало более 2 миллионов человек, много танков, орудий, самолетов.

Переход через Вислу был очень трудным — немцы бомбили лед, мы бежали, минуя воронки, прыгая со льдины на льдину. Солдаты соскальзывали и сваливались в воду. Первую линию обороны мы заняли сходу. А потом начались новые атаки. Были большие потери, но за несколько дней мы дошли до Варшавы и 17 января освободили ее. Варшава лежала в руинах — она была разрушена английской авиацией еще до нашего наступления.

Бои за Варшаву были очень тяжелыми, но нам помогали поляки. Они хорошо знали свой город и подсказывали, где засели немцы, как зайти к ним с тыла. У поляков были подпольные формирования, партизанские отряды. Они боролись с фашистскими оккупантами с 1939 года и до дня освобождения. Из всех европейских стран Польша больше всех пострадала от гитлеровской оккупации — за годы войны погибло 6 миллионов поляков, что составляет 22% всего населения страны.

Я хорошо помню, как радостно поляки встречали нас. Они плакали и обнимали, угощали, чем могли. В те далекие дни между нами не было никакой политики — нас встречали как братьев, как освободителей. Помню искреннюю радость, их счастливые лица, объятия и рукопожатия, их ликование.

Но впереди была Германия: форсирование Одера, плацдарм, прорыв обороны, Берлин, Рейхстаг...

МОЙ ПЕРВЫЙ НОМЕР

*«И летят снегири,
И летят снегири
Через память мою
До рассвета.»*

— Юрий Антонов

**Советские солдаты с 14.5мм противотанковым
ружьём ПТРД**

После освобождения из оккупации я проходил военную подготовку в 48-м запасном артиллерийском полку в Чугуеве Харьковской области. А на фронте нас определили в пехотный полк. Я попал во взвод бронебойщиков. Это значит, что мы были вооружены не только карабинами, но и противотанковыми ружьями,

ПТР, которые носили вдвоем на плечах, так как весило ружье 16 кг. Да еще и сумка патронов к нему. Старшим в нашем маленьком отделении был Первый номер, а я был у него помощником — Вто-

рым номером. Он стрелял, а я готовил и подавал ему патроны.

1944 год. Польша. Подошли к Висле. 12 января 1945 года было общее наступление по всему фронту. По льду форсировали Вислу. Через 10 дней освободили Варшаву. Вперед продвигались с непрерывными боями, освобождая польские города и села.

Одно село мне очень запомнилось. Наш полк шел колонной по дороге через лес, а слева и справа располагалось село. Увидев нас, Красную армию, селяне выбежали на дорогу, столпились, бросались обниматься, радостно что-то кричали, гомонили...

А потом уговорили наших командиров и разобрали полк по хатам — по 2-3 человека в каждую. Угощали нас, кто чем мог. Я и еще двое солдат попали к женщине, которая привела нас к себе в очень бедную хату и куда-то убежала, а через минуту принесла большую, круглую буханку вкусного крестьянского хлеба. Моя мама пекла такие в русской печи.

Гостеприимная полька нарезала хлеб большими ломтями, намазала его смальцем, сверху посыпала сахаром. Мы с таким угощением быстро справились. А она все извинялась: «Больше ниц нема, вшистко герман забрав».

Я до сих пор помню, как она суежилась, как искрились ее глаза от радости, и все говорила, говорила, не сводя с нас глаз. Провожая, обнимала и плакала от радости. Наверное, изрядно досталось ей от оккупантов. Меня до сих пор удивляет

то радушие и дружелюбие, с которым нас встречали и потчевали простые польские крестьяне того селения.

На следующий день нас остановили немцы на очередном оборонном рубеже. После нашей короткой артподготовки мы заняли их окопы. А через некоторое время немцы из своих запасных позиций начали обстреливать нас. Потом пошло несколько танков и пехота. Один из танков шел наискосок в нашу сторону. Мой Первый номер, надеясь поразить его в бок, сделал 2-3 выстрела из ПТР, но без пользы. Наши выстрелы засекли с немецких позиций, и вот орудийный снаряд разорвался рядом с нами. Меня только оглушило, но не ранило. Я оглянулся на Первого и ужаснулся: ему полностью оторвало нижнюю челюсть. Рот и горловина были обнажены, а из горла клокотала кровь при каждом выдохе. Через 2-3 секунды мой Первый сник и осел. Все. Его не стало...

Эти секунды мне видятся всю мою жизнь, я этого не могу забыть. А имя моего Первого было Анатолий, родом он из Молдавии, возраст — около 40 лет. В то время он был вдвое старше меня. Он отдал свою жизнь, освобождая Польшу. Ко мне Анатолий был всегда добрым, помогал нести ПТР, беря на свое плечо тяжелый конец. Часто брал у меня и тяжелую сумку с патронами к ПТР.

Атаку немцев мы тогда отбили, но Анатолия мне жалко всю жизнь.

ВОТ ОНА, ГЕРМАНИЯ!

1 февраля 1945 года мы подошли к границе между Польшей и Германией. Кто-то до нас прибил к столбу кусок фанеры с надписью: «Германия».

Странные чувства были у нас в тот момент: ведь знали, что приближаемся к Германии, а появилась она как-то неожиданно. Чувствовалась настороженность, тревога в душе, но и восторг, и гордость.

Когда в начале войны я был под оккупацией на Украине, меня трижды ловили для отправки в Германию — работать на них в шахтах, на заводах, на их победу. Но Бог меня хранил. С большим риском для жизни я трижды убегал из их лагерей. Ступив на немецкую землю, я сразу же подумал: «Вот я и пришел, добровольно, сам, но в другом качестве, с

другой целью». Я был и рад и горд и за себя, и за свою семью, и за свою Родину. Я не националист, но я всегда гордился и горжусь, что я русский, что принадлежу великой нации.

Хотелось сказать: «Посмотрим, что это за Германия». Ведь столько горя принесли фашисты нашим людям — почти в каждой семье были убиты, повешены, сожжены заживо отцы или матери, братья или сестры, мужья или жены. Миллионы погибли.

И вот война пришла на их землю, в их дома, в их семьи. «Вы ее начали — вы ее и принесли на своих плечах в свои города и села!» От границы на десятки, сотни километров вглубь Германии горели города, села, хутора, усадьбы. Да, это была месть. Зло породило зло. На полях бродили коровы, лошади. Фермы были разрушены. Война никого и ничего не щадит. Местное население бросало все и уходило на запад — бежали на повозках, лошадях, пешие... Надеялись уйти от войны.

Но война беспощадна. Люди не успевали бежать, а власти бросили их, эвакуировать не стали. Мы пришли в Германию, но не расстреливали мирных жителей за то, что они немцы, что их сыновья и мужья воюют против нас и творили зверства на нашей земле, мы не сжигали их в домах и крематориях, не сгоняли в концлагеря и не отправляли эшелонами к себе в Советский Союз для работы на наших заводах и шахтах, как это делали фашистские оккупанты. В мае 1945 из Советского Союза шли эшелоны с зерном для весенней посевной,

чтобы немцы вырастили себе урожай и не голодали. Наши солдаты загружали это зерно в машины и развозили по селениям. Возле наших полковых кухонь стояли очереди голодных детей и женщин, и им не отказывали в еде. Наши медики лечили больных.

Мы видели в их квартирах богатую мебель, одежду, автомашины. И опять возникал вопрос: «Что же вам надо было еще, зачем к нам пришли? Вы ограбили всю Европу, но вам показалось мало, вы пришли грабить к нам, вывозили к себе наше добро».

Будучи под оккупацией, я видел, как немцы пригоняли наших военнопленных на поля и на железнодорожные станции, заставляли грузить чернотомом и отправляли в Германию. Даже землю они старались вывезти!

Первым немецким городом после границы был Шнайдемюль. Рядом был небольшой лес, а перед ним — дорога. Было очень много снега. Нашу роту одели в маскхалаты, и рано утром мы переползли через дорогу и подобрались к немецким окопам. Но в этот момент откуда-то появилась наша «полуторка» с солдатами, проворно так проехала мимо нас. И вдруг мощный взрыв на дороге. Машина взлетела в воздух, а осколки от нее полетели во все стороны. Она подорвалась на противотанковой мине. Как мы потом узнали, это куда-то торопились наши трофейщики...

Взрыв выдал нас, немцы открыли огонь. Лейтенант отдал команду, и мы быстро побежали к

немецким окопам с криками «Ура!», стреляя на ходу. И тут под ногами солдат начали взрываться противопехотные мины. Мы бежали по минному полю. Кто уцелел, вваливался в немецкие окопы, но немцы по ходам сообщения перебежали в другую траншею. Мы свою задачу выполнили. Когда к нам подошла подмога, начался бой за овладение другой траншеи. Бои длились несколько дней — оборона у немцев была заранее подготовлена, много траншей, местами проволочные заграждения... Немцы прорвали наши позиции в противоположной, западной части города и ушли из окружения. А мы заняли город. После этого наш полк отправили на переформирование.

Привели нас в соседний лесок. Там были блиндажи, землянки. Рядом стояли две очень большие палатки, а возле них — автомашины с цистернами, в которых с торца была сделана топка. В цистерне грели воду, а от нее проложили шланги в одну из палаток. Нас заводили в палатку по 10-15 человек. На земле поверх снега были уложены еловые ветки. Здесь мы раздевались и босые по снегу переходили в другую палатку, где на скамейках стояли цинковые тазики, было мыло, мочалки. Потом нам принесли новое нижнее белье, новые портянки, наши «прожаренные и пропаренные» гимнастерки, шапки, шинели. Вот так мы за пол зимы впервые помылись в походной фронтовой бане.

Мы были очень уставшие, нам ничего было не надо, только бы поспать. В землянках мы спали

долго, сколько хотели. Кормили нас очень хорошо, и мы писали домой письма.

Через пару дней приехали какие-то «чужие» офицеры и отобрали всех, кто имел специальность артиллериста. Так я распрощался с пехотой. А в артиллерии была совсем другая жизнь. Хоть пушки у нас были противотанковые, небольшие, и мы находились всегда рядом с пехотой, но все-таки чуточку позади них. Я всегда сочувствовал пехотинцам. Какая тяжесть войны на них лежала! Это они на своих плечах вынесли всю войну!

МАРТА

«Переправа, переправа!

Берег левый, берег правый...»

— А. Твардовский

Шел 45-й год. Начало марта. Наши войска подошли к немецкой реке Одер. К форсированию реки мы готовились с вечера — проверяли исправность машин-тягачей, устройств крепления орудий к машинам, загрузили машины снарядами, длинными толстыми досками.

Перед рассветом наш 1430-й артиллерийский полк выстроился в длинную колонну и подъехал к месту переправы, где в течение ночи наши снайперы построили понтонный мост. Там уже стояла колонна танков и пехоты.

Форсирование реки Одер

Начало светать, первыми пошли танки и пехота, за ними поехали и мы. В небе непрерывно кружили наши самолеты, охраняя нас от бомбежки немецкими штурмовиками. Немецкие самолеты сумели все-таки прорваться и сбросить бомбу, когда мы подъехали к западному берегу Одера. Она упала в метрах 15 от нас и в 10 от берега, подняв вверх мощный столб воды.

Вдруг мой напарник спрыгнул с понтона в воду и подал мне в руки наверх маленькую девочку лет трех. Я немедленно посадил ее в кузов на ящик со снарядами. Все это произошло в несколько секунд, мы бросились к машине, чтобы подложить доски под колеса, Машина благополучно съехала на берег.

Откуда взялась та девочка, я не знаю. Может, детское любопытство привело ее на берег, а взрывной волной ее смыло в воду.

Отъехав от берега метров на 300-400, мы остановились и заняли огневые позиции. В 600 ме-

трах от нас находились одноэтажные жилые дома Франкфурт-на-Одре. Наш командир взвода лейтенант Чугунов приказал мне отвести девочку в ближайший дом. Мол, там разберутся. Еще на подходе к домам я увидел бегущую к нам молодую женщину, кричавшую: «Марта! Марта!» Она обняла девочку, бросив мне «данке», и быстро повела ее к дому. Я же вернулся к орудиям.

Прошло 65 лет. Той девочке, конечно, около 70. Жива ли она, помнит ли те события? Мне же этот маленький эпизод большой войны запомнился навсегда.

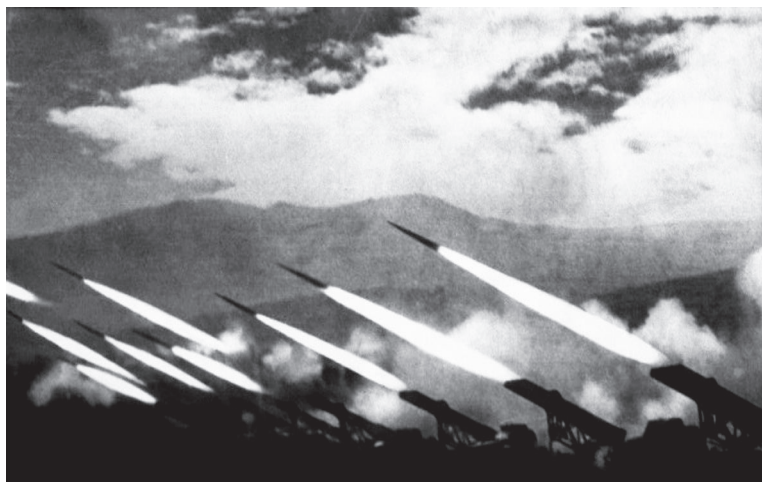
НА ОДЕРСКОМ ПЛАЦДАРМЕ

После перехода польско-немецкой границы наши войска продолжали наступление на запад, но уже по немецкой территории. Теперь дымились не наша, чужая земля. Возмездие приближалось к фашистскому логову, но остались самые трудные километры. Бои были все ожесточеннее. Каждый населенный пункт превратился в укрепление. Каждый город, поселок, хутор приходилось брать штурмом. Дом, этаж, квартира — отовсюду стреляли в нас. Гибли наши солдаты, горели танки, машины. Но остановить наши войска было уже невозможно.

С непрерывными боями мы подошли к реке Одер. Весь ее западный берег был превращен в сплошное оборонительное укрепление, глубоко эшелонированное. Немецкое командование было уверено, что здесь уж наверняка остановят совет-

ские войска: тут были не только сплошные окопы, траншеи и ходы сообщения, но и множество ДО-Тов, ДЗОТов, бронеколпаков. Были также железо-бетонные огневые точки, блиндажи в несколько накатов, минные поля против танков и пехоты, проволочные заграждения и прочее.

Но наши войска, подойдя к Одеру в начале марта 1945 года в районе г. Кюстрин, с ходу форсировали реку и закрепились на ее западном берегу. Немецкая авиация непрерывно бомбила, артиллерия массированно обстреливала этот «пяточок», надеясь уничтожить наших солдат. Но по ночам наши саперы наводили переправу, восстанавливали ее после бомбежек и обстрелов, и плацдарм получал подкрепление пехотой, а потом и легкой артиллерией. Затем переправились и танки.

**Залп гвардейских реактивных минометов БМ-13
«Катюша», на шасси американских грузовиков
«Студебеккер»**

Наш полк был вооружен легкими противотанковыми орудиями калибра 76 мм, поэтому нас переправили по понтонному мосту в первую очередь. Это были незабываемые бои. Нам не давали покоя ни днем, ни ночью. Немцы не только обстреливали — они атаковали танками с пехотой. Но плацдарм устоял.

Тогда немцы придумали новшество. Мы даже не сразу поняли, что это такое: летит самолет, снижается над плацдармом и падает на переправу. Мощный взрыв — наверное, как от небольшой атомной бомбы. Вверх вздымается столб огня и черного дыма, переправа — вдребезги. А потом опять атаки танков и пехоты. Ночью саперы вновь восстанавливают мост...

Потом второй и третий самолет «падали» уже на наши позиции. И мы успели разглядеть, что над транспортным падающим самолетом, начиненным взрывчаткой, «сидит» другой самолет, меньших размеров. Он-то и направляет падающий самолет на цель, а сам взмывает вверх и уходит в сторону, спасаясь от наших зениток.

За дни пребывания на плацдарме мы много раз меняли огневые позиции, уничтожая немецкие огневые точки. Делали мы это по ночам — копали окопы для орудий и для себя, уделяя особое внимание маскировке. Сколько грунта перекопали — ничем не измерить.

Но все-таки это была только подготовка к прорыву немецкой обороны и наступлению на Берлин.

АТАБАЕВ

Большая площадь. Полно народу. Собрались бывшие фронтовики на встречу Дня Победы. Я тоже хожу, разглядываю. Вдруг ко мне подходит В. и сообщает, что здесь есть и Атабаев. Я начал искать, хожу и во весь голос кричу: «Атабаев! Атабаев!». Все хожу и кричу, но нигде его нет. День кончается, народ стал расходиться, а меня такая обида взяла, что я не нашел его, как будто вся жизнь от этого зависит. И я начал плакать, очень громко рыдать. Постепенно успокоился. Шел какими-то песками, кочегурами...

Наконец, проснулся, сел в постели, а предо мною наяву, как во сне, вся эта картина стоит: ясно, отчетливо, широко. Как будто сон продолжается. Такого со мной никогда не было. Отчего бы это? А может быть...

Март 1945 года. Плацдарм на Одере. Атаки немцев не прекращаются, хотят сбросить нас в Одер. Гитлеровцы бросают в атаку танки. Наша артиллерия открыла огонь еще на подходах к нашим позициям. Танки шли очень быстро, на ходу стреляя, маневрируя. Дым, пыль от гусениц танков и от снарядов.

Наконец несколько танков загорелись один за одним, некоторые повернули назад. А один шел против нашей огневой позиции, бесприцельно стреляя. Я бегом таскаю снарядные ящики к орудию, подаю снаряды заряжающему. Танк уже близко, метров 20-30 от нас. Наш наводчик Атабаев на

секунду задержался с выстрелом и нажал на спусковой рычаг. Попал в гусеницу, танк развернулся, и в этот момент соседнее орудие врезало ему в бок бронебойным снарядом. Танк загорелся. Остальное доделали пехотинцы, возле окопов которых загорелся танк.

Мы с облегчением вздохнули и сели, кто где стоял. Потом поздравили нашего наводчика младшего сержанта Атабаева. Молодец! Зоркие глаза, выдержка и мастерство. Да, он был мастером своего дела. Промахиваться не умел. Недаром на его гимнастике уже было два ордена Красной Звезды.

Демобилизовавшись в 1947 году, мы все разъехались. Несколько лет переписывались, а потом жизнь нас закрутила, и мы по одиночке затерялись. Где он теперь, что с ним, не знаю.

...Прошло шесть десятков лет, а он как застрял в памяти, так и остался. Уже давно не снится война, а наяву постоянно все вспоминаются и люди и события.

ПРОРЫВ

Захватив в начале марта 1945 г. плацдарм на западном берегу Одера в районе Кюстрина, удержав и расширив его, советские войска сосредоточили там большое количество живой силы и техники. На этом берлинском направлении немецкое командование укрепляло свою оборону, противопоставив нам 85 дивизий, что составляет более 1 млн солдат и офицеров, свыше 10 тысяч орудий и минометов,

1500 танков и штурмовых орудий, 3300 самолетов. В то же время на Западном фронте англо-американским войскам выставили только 60 дивизий, укомплектованных наполовину.

Опираясь на густую сеть населенных пунктов с каменными строениями, каналы, реки и озера, гитлеровцы создали между Одером и Берлином несколько укрепленных линий обороны. Именно здесь решалась судьба Берлина. Готовилась заключительная операция Второй мировой войны в Европе.

Мы тоже готовились к наступлению и прорыву немецкой обороны — углубляли и маскировали огневые позиции, подвозили на каждое орудие несколько боекомплектов снарядов, уточняли секторы обстрела.

И вот 16 апреля перед рассветом внезапно вспыхнули более 200 мощных передвижных прожекторных установок. Это было применено

впервые за всю войну. Яркий свет ослепил противника. И это был сигнал начала нашей артподготовки по немецким позициям. Огонь вели все виды артиллерии, от легких до тяжелых орудий, включая «Катюши». После двух часов непрерывного обстрела на гитлеровские позиции ринулись наши самолеты-штурмовики и бомбардировщики. А затем в атаку пошли наши танки 1-й Гвардейской танковой армии, в составе которой была наша 197-я отдельная легко-артиллерийская бригада. Танки «утюжили» немецкие окопы, а мы, заехав в тот прорыв, начали вести огонь прямой наводкой по всем огневым точкам гитлеровцев. В месте прорыва горели наши танки, автомашины, несла потери пехота — многие точки немцев вели прицельный огонь с близкого расстояния из своих орудий и минометов, из танков, укрытых в окопах. Они вели огонь и из второй линии обороны.

Но в этот прорыв шли и шли всей своей массой наши танки, артиллерия, пехота. Все пришло в движение, каждый делал свое дело, все выполняли одну задачу.

Невозможно описать, как все это было. Из всех боев, в которых мне пришлось участвовать, этот был особенный. И по размаху, и по массовости, и по жестокости. Шла сила на силу, как-то «нахально», во весь рост, не обходя преграды и точки сопротивления.

Прорыв одерской линии немецкой обороны был совершен! Наши войска продвигались впе-

ред. Но через 12 км начались Зееловские высоты. На них была очередная линия фашисткой обороны, укрепленная сильнее прорванной. Кроме обычных окопов, ДОТов и ДЗОТов здесь были железобетонные бункера, бронированные огневые точки. С ходу пройти их было невозможно, несмотря на мощь, сосредоточенную нашим командованием на этом участке фронта: 83 стрелковых дивизии, 1150 танков и самолетных орудий, 14600 полевых орудий и минометов, 1531 «Катюша».

Наше наступление было остановлено. Трое суток наша артиллерия и танки обстреливали их позиции, самолеты непрерывно бомбили их бункера и траншеи. Атаки наших танков и пехоты не приносили успеха. Целые танковые бригады, по три полка в каждой, ходили на штурм, но немцы пускали в контратаки свои танки в не меньших количествах. Горели их танки и наши, стоял сплошной гул, черный дым от горящих танков застилал небо, ревели наши самолеты ИЛ-2, наносящие бомбовые удары.

Бои не прекращались ни днем, ни ночью. Казалось, что на месте обороны фашистов не должно было уже ничего остаться. Но немцы «оживали» и вновь вели огонь.

На третий день, когда была введена в бой еще одна 2-я Гвардейская танковая армия, Зееловские высоты были взяты. Судьба Берлина была решена. Но его надо было еще взять. Штурмом!

КЛЮЧ ОТ БЕРЛИНА

В начале марта 1945 года, мы находились на Одерском плацдарме, к нам каждую ночь переправлялось через Одер все больше и больше подкреплений. А потом мы совершили прорыв гитлеровской обороны и с упорными боями двигались вперед.

Шли ожесточенные бои на подходе к Берлину. Стоял сплошной и непрерывный гул от танков, стрельбы артиллерии и разрывов бомб, снарядов. Содрогалась земля и все поле было в дыму и пыли.

На третьи сутки над нашими позициями на небольшой высоте пролетел наш «ИЛ-2», а после чего мы увидели в небе маленький белый парашютик, на стропах которого весел какой-то предмет. Он приземлился в окопах нашей пехоты. Не прошло и часа, как к нам в батарею пришел замполит дивизиона и рассказал, что командование фронта сбросило нам символический ключ от ворот Берлина. Это был ключ длиной около метра и к нему прикреплена записка с воззванием к наступающим. Но штурмовать надо было не символически, а по-настоящему — с автоматами, танками, артиллерией, и самолетами, т.е., людьми.

К вечеру третьего дня немецкая оборона была прорвана, и гвардейцы двинулись с такими же тяжелыми и кровопролитными боями на Берлин.

ШТУРМ БЕРЛИНА

После прорыва советскими войсками немецкой обороны на реке Одер и взятия штурмом Зеленовских высот мы продвигались все ближе и ближе к столице фашистской Германии Берлину. В этом наступлении с нашей стороны участвовало 5 пехотных и 4 танковых армии.

Сначала наши войска окружили Берлин, а потом начали его штурм. Но, не доходя до Берлина 11 км (предельная дальность стрельбы наших 76-мм орудий), наш командир артиллерийского дивизиона приказал остановиться и расположиться всем орудиям в одну линию. И дал исходные данные для стрельбы. А затем скомандовал: «По фашистскому логову Берлину — сто снарядов на орудие, беглый огонь!» Это было здорово! У нас возникло какое-то

особое чувство — мы впервые вели огонь по самому Берлину! Четыре долгих и трудных года шли к нему и вот — дошли!

21 апреля мы увидели первые дома окраин города. Стреляли уже прямой наводкой по фашистской столице, в которой была окружена 300-тысячная группировка гитлеровцев. Каждый квартал, дом, этаж и квартира, подвалы и крыши домов были напичканы немцами, которые с особым упорством и ожесточением обороняли свой город, свою столицу.

Все улицы и переулки были перекрыты баррикадами, во всех домах первых этажей окна были заложены мешками с песком, за которыми засели немцы. В нас стреляли отовсюду, из каждой щели. Бой не прекращался ни на час ни днем, ни ночью. Наши орудия вели прицельный огонь по баррикадам, по каждому дому, по танкам и самоходкам. На крышах многих домов располагались зенитные автоматические пушки, которые обстреливали нас сверху и не давали пройти перекресток. Чтобы поразить эти цели, нам приходилось стрелять по верхним этажам до обрушения крыши.

Стоял сплошной гул и грохот. Дома горели, рушились, заваливая улицы. Весь город был в огне, в дыму и гари. Трудно было разобраться, в каком доме — наши, в каком — немцы. Мы стреляли туда, откуда стреляли в нас. Орудия мы передвигали только вручную — машины по завалам пройти не могли. В этом нам всегда помогали пехотинцы. Все мы были очень уставшими и хотелось спать. Боеприпасы и еду нам доставляли только ночью.

Но что мне запомнилось: на занятых нами домах из каждого окна жители вывешивали белые флаги, простыни, полотенца — чтобы в их окна не стреляли.

Шаг за шагом мы продвигались к центру Берлина. И вот однажды утром немцы перестали стрелять. В этот момент поднялся многоголосый крик, крик отчаяния и страха. Казалось, что кричал весь город. И, не прекращая крика, над немецкими баррикадами встали женщины и дети с белыми флагами и ринулись в нашу сторону. Их было много, человек 300. Наша сторона тоже перестала стрелять. Мы поняли, что эти люди бегут к нам спастись, так как поняли безвыходность своего положения. Когда они перелезли через баррикаду, огонь снова открыли и немцы, и наша сторона.

Бой продолжался. В таком напряжении и накале штурм Берлина длился 12 дней.

А утром 2 мая, после взятия нашей пехотой одного из домов, мы увидели площадь перед большим массивным зданием с куполом, над которым развевалось красное знамя. В первые минуты мы не могли понять, как оказались впереди нас наши солдаты. Мы привыкли к тому, что перед нами были всегда немцы. Оказалось, что это — здание рейхстага, символ фашистского режима. И над его куполом алело Знамя Победы!

От окончания штурма Рейхстага нас отделяли 1-2 часа. А Знамя Победы было водружено вечером 30 апреля. Сюда, на эту площадь, стекались толпы солдат — тех, кто штурмовал Берлин. Все лико-

вали, радовались, обнимались, стреляли вверх из автоматов, пистолетов, ракетниц — салютовали нашей Победе! Такого ликования победителей наверняка нигде и никогда не было.

А потом мы пошли в здание рейхстага, осматривали его внутри. Рейхстаг еще горел и дымился, не везде можно было пройти.

В боях мы больше не участвовали. Но война еще не была окончена — оставались группировки гитлеровцев, которые не сдавались. И еще надо было освободить Прагу.

День Победы 9 мая мы отметили там же, недалеко от рейхстага, всем полком. Это было незабываемо!

Штурм рейхстага

ОХОТА НА «ТИГРА»

Хочу рассказать об одном из эпизодов штурма столицы Третьего рейха.

Последняя неделя апреля 1945 года. Берлин.

...От пригородов до Королевской площади бои шли без перерывов, не прекращались ни днем ни ночью. Все слилось в один общий гул, ни сна, ни просто отдыха.

Мы были уже на полпути к центру Берлина, когда нам попался этот перекресток, перед которым пришлось надолго задержаться.

На крыше одного из зданий немцы установили зенитные крупнокалиберные пулеметы, стреляющие разрывными пулями. Наступавшие пехотинцы гибли не добежав даже до середины перекрестка. Было решено вывести Т-34 для обстрела злополучного дома. Но стоило ему выйти из укрытия и начать разворачиваться в сторону цели, как его подбил немецкий танк, скрывавшийся где-то за полуразрушенным зданием на другой стороне улицы.

Появилась новая задача — уничтожить тот танк. Для надежности решили использовать «Катюшу». Уже готовая к тому, чтобы дать залп, она быстро выехала на перекресток. И все же — недостаточно быстро. Танк опередил, «Катюша» вспыхнула, мы попрятались кто куда. К счастью, ни один из шестнадцати ее снарядов не взорвался.

Однако что дальше? Пауза в нашем продвижении вперед явно затянулась.

Офицеры совещались, мы ждали их решения...

Наконец командир батареи приказал нашему расчету перекатить орудие за развалины соседнего дома и оттуда прямой наводкой поразить вражеский танк. Разведчики нашего полка указали место, откуда хорошо была видна цель.

С большим трудом, с помощью пехотинцев мы по грудам кирпича перекатали орудие на новую позицию. Удалось сделать это незаметно для противника. Осмотревшись, мы поняли, что тот танк заехал в полуразрушенное здание с тыльной стороны. А стрелял он сквозь пролом в стене.

Наш наводчик выстрелил бронебойным снарядом, затем еще одним. Оба попали в цель, но, увы, не причинили серьезного вреда. Нам противостоял «Тигр», самый мощный из немецких танков. Снаряды нашей 76-миллиметровки не смогли пробить толщу лобовой брони этого «зверя».

Мы поняли, что через несколько секунд он нас накажет за беспокойство... Вдруг рядом прогремел выстрел, «Тигр» запыхал не успев выпустить снаряд. В соседние развалины одновременно с нами, оказывается, закатили еще одно орудие из другого полка нашей артиллерийской бригады. Но оно было уже 100-миллиметровым и отлично справлялось даже с такими «зверями». И в этой охоте на «Тигра» мы отвлекли на себя внимание, а решающий выстрел сделало второе орудие.

После этого остальные три орудия нашей батареи уже без опасений вывели на прямую наводку и фугасными снарядами обстреляли тот дом, на котором находилась зенитная установка. Стена разрушилась, крыша обвалилась, перекресток стал свободен.

Однако до завершения штурма было еще далеко. Каждый дом, этаж, квартиру, подвал приходилось брать боем. И так — до самого рейхстага...

ДОШЛИ!

*«Двадцатилетние парни, мы появились в траншее,
На потрясенных равнинах участь решили земли.
Шли мы по Унтер-Ден-Линден, шли по Зигес Аллее -
Всеми дорогами мира, всеми проселками шли.»*

— **Василий Субботин, 1945 год**

В день 1 мая мы были уже в центре Берлина. Каждый дом этого города был крепостью. Стрельба по нашим позициям велась из-за баррикад на

каждой улице, со всех домов, окон, крыш и даже из подвалов — из орудий и минометов, из танков и фаустпатронов. Каждый дом и баррикаду наша пехота брала штурмом после артподготовки.

Но в конце дня в нашем секторе обстрела наступление было остановлено, пехота отошла за баррикаду. Опять потребовалась помощь артиллерии. Нашему орудийному расчету приказали подавить огневые точки дома, расположенного справа от перекрестка за кирпичным забором, закрывающим дом.

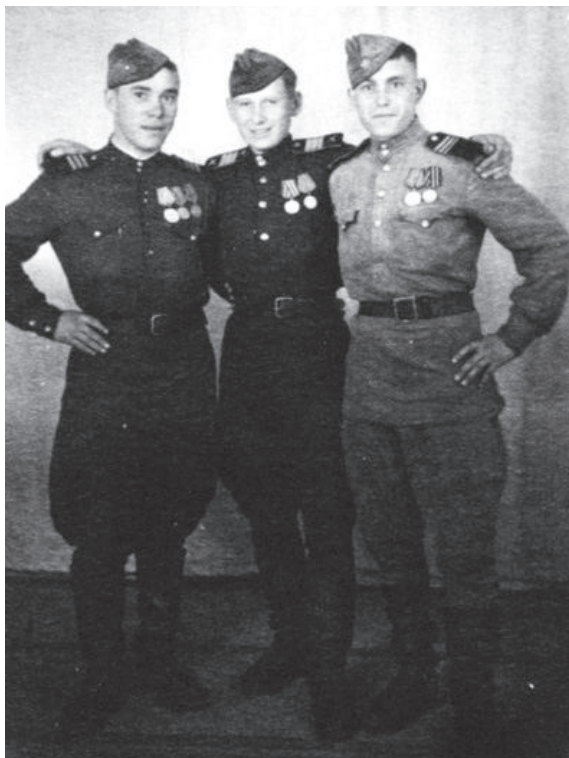
Чтобы стрелять прямой наводкой, нам предстояло выкатить орудие за угол забора и сразу же открыть огонь. Мы положили на станину ящик с пятью снарядами и покатали вручную по тротуару вдоль забора. Вдруг мы увидели проем с воротами, одна створка которых была приоткрыта. Попросив помощи пехотинцев, мы быстренько прокатали свое орудие мимо ворот за угол. Немцы нас не заметили, а наш наводчик сразу же открыл огонь. Но когда я побежал мимо ворот за снарядами, то немцы меня обстреляли. Взяв в руки по снаряду, я снова успел проскочить мимо ворот. Немецкий пулеметчик стал стрелять короткими очередями, но чаще. Я учел это и после короткой пулеметной очереди стартовал сразу.

На этот раз орудийный расчет опять справился с заданием командира батареи. Наша пехота ворвалась в дом.

Бои продолжались днем и ночью, так продвигались вперед. За весь день боев мы так и не вспом-

нили, что это происходило 1 мая. И только утром второго мая мы подошли к рейхстагу, который уже был взят этой ночью.

А Знамя Победы на нем водрузили в ночь с 30 апреля на первое мая знаменосцы 150 стрелковой дивизии. Уже потом мы узнали, что штурм Рейхстага был начат утром 30 апреля, но ворваться в него удалось только ночью. Бои в здании, где было более 2 тысяч эсэсовцев, продолжались и днем, и ночью 30 апреля, день и ночь 1 мая, до утра 2 мая.

**Три сержанта в 1946 г.
В центре — А.В. Калашников**

2 МАЯ 1945-ГО

*«Не гремит колесница войны.
Что же вы не ушли от погони,
Наверху бранденбургской стены
Боевые немецкие кони?»*

— **Василий Субботин, 1945 год**

Последний выстрел наше орудие сделало утром второго мая 1945 года перед штурмом нашей пехотой одного из домов, в котором скопились немцы. А когда солдаты овладели этим домом, мы вслед за ними пошли вперед, и нам открылась площадь, а за ней — рейхстаг, на куполе которого развивалось красное знамя. Небольшие знамена и флаги алели во многих местах этого здания, но на куполе было только одно — большое! Я тогда не знал, что оно будет называться Знаменем Победы. А на площади уже ликовали фронтовики!

Конечно, мне захотелось осмотреть это большое, мрачное, издолбленное снарядами здание. Вдвоем с другом поднялись мы по маршевой лестнице ко главному входу. На первом этаже находился зал, из которого слева и справа поднимались широкие лестницы из белого мрамора с красивыми фигурными балясинами. В начале и конце перил были тумбы, на которых стояли небольшие мраморные статуэтки, изувеченные пулями и осколками снарядов. Поднялись на второй этаж. Там тоже все было изуродовано и разрушено. А в коридорах и комнатах еще хозяйничали пожар и дым. В од-

ном месте был обрушен потолок, а рядом — развалившаяся наружная стена. Мы дальше не пошли, не стали искать приключений на свою голову. Вышли на площадь. Рядом с рейхстагом находятся Бранденбургские ворота — символ бывших побед Германии. Групповая скульптура с лошадьми на воротах была сильно повреждена, а на ней тоже алели красные флаги и флажки. Под сводами арки брели пленные третьего рейха. Мне показалось это символичным. Надо же, как история распорядилась!

Тут же недалеко высилась колонна Победы с сияющим ангелом наверху, воздвигнутая в честь победы Германии над Францией в тысяча восемьсот каком-то году — тонкая, граненая, изящная. А золоченый ангел лучился на фоне облаков, казалось, он плыл.

Колонна Победы, Берлин, 1945 г.

Недалеко от колонны из здания станции метро выходили пленные немцы в сопровождении наших солдат.

Сам город выглядел как сплошные развалины. Казалось, что это мертвый город, что в нем никто не живет. А ведь здесь, на улице Унтер-ден-Линден в свое время было многолюдно, духовые оркестры играли марши, проводились военные парады.

Нашей Отдельной 197-й легко-артиллерийской бригаде повезло: мы закончили войну на неделю раньше — утром 2 мая. Раньше официального Дня Победы! А другие советские войска в это время совершали марш-бросок на помощь восставшей Праге и к берегам Эльбы, навстречу американцам.

Где-то перед полднем нашу бригаду вместе с танкистами отвели на окраину парка Тиргартен, так как на Королевскую площадь перед рейхстагом все прибывали и прибывали войска, а наши орудия с машинами и танками загрохотали площадь. Здесь, возле парка, мы и отметили День Победы — всем полком, организованно, красиво, торжественно. Запомнилось на всю жизнь!

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПОБЕДЫ. ВСТРЕЧА С Г.К. ЖУКОВЫМ.

После торжества и ликование перед рейхстагом 2 мая 1945 года нас (артиллеристов и танкистов) переместили на соседние улицы, чтобы освободить площадь для войск. Наша артиллерийская бригада расположилась возле парка

Тиргартен, где почти все деревья были «скошенны» нашими «Катюшами». Рядом был какой-то разрушенный завод. Мы расположились вдоль кирпичного забора, возле нас остановилась и танковая бригада. Там мы отдыхали, отсыпались на солнышке.

А 9 мая рано утром нас срочно подняли на построение. Командир дивизиона приказал, чтобы мы в течение часа привели в порядок обмундирование, подшили на гимнастерке подворотнички, умылись и начистили сапоги — через час будет общее построение полка. Мы были всегда ко всему готовы и справились с заданием в срок. На построении нам ничего не сказали, а повели строем на территорию бывшего завода в чудом уцелевшую столовую.

Фотография В. Гребнева

Нам показалось, что мы в какой-то рай попали. На окнах — тюлевые занавески, большой светлый зал уставлен столиками, покрытыми белыми скатертями. На каждом столе — по две бутылки марочного вина, красивые фарфоровые супницы, глубокие и мелкие тарелки, хрустальные бокалы, ложки, вилки, салфетки...

Я пишу об этом подробно потому, что мы от всего этого отвыкли, а большинство из нас дома и в мирное время этого не видел. Мы считали обычным есть из котелка, сидя на земле или на станине орудия, первое блюдо, а второе — из крышки. Контраст поразил нас, напомнил, что мы тоже люди. В головах у нас все перепуталось, пролетели всякие мысли...

И тут командир скомандовал: «Смирно!» И объявил, что сегодня в два часа ночи был подписан акт о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. Война окончена! Сегодняшний день 9 мая объявлен праздником «День Победы». Потом поздравил нас с Победой, высказал в наш адрес добрые пожелания и передал поздравления командующего нашей Первой гвардейской танковой армии дважды Героя Советского Союза генерала-полковника Катукова. Затем дал команду налить бокалы, поднять их и сказал: «Мы пьем за нашу Победу! Ура!».

От всей души все прокричали «Ура!». Выпили. После команды «Садись!» мы наливали в тарелки отменный борщ пополам с мясом, закусывали, опять наливали вина, уже без команды, разговари-

вали обо всем. У всех были счастливые лица. Только теперь мы поверили, что война закончилась. Хотелось кричать: «Мама! Я жив остался, скоро домой приеду!».

Так торжественно и замечательно всем полком мы встретили и отметили первый День Победы. Потом мы строем вернулись к своим орудиям и поголовно все писали письма домой. Первые письма после Победы.

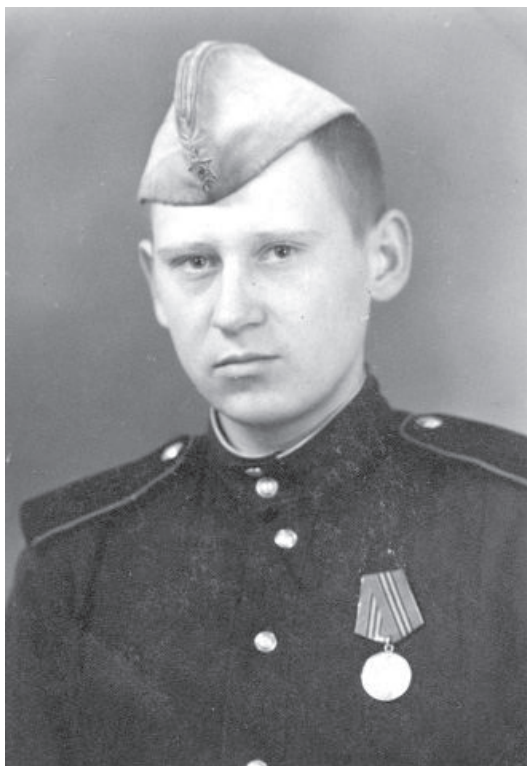
В Берлине мы находились около месяца, а потом несколько раз меняли свою дислокацию. К осени 1945 года мы расположились в бывшем немецком военном городке Кенигсбрюк, недалеко от Дрездена. Нетронутые войной казармы, столовые, спортплощадки — здесь все было обустроено. Многое нас удивляло — отдельные комнаты на каждое отделение, душевые, туалет, комнаты с пианино...

В конце 1945 года к нам прислали немцев-портных. Они сняли с каждого мерку и сшили красивую форму, точно по росту и размеру. Кирзовые сапоги нам заменили на кожаные.

А 1946 год стал для меня знаменателен. Дело в том, что в марте должны были состояться первые послевоенные выборы в Верховный Совет СССР. По нашему избирательному округу баллотировался в депутаты маршал Советского Союза Г.К. Жуков — командующий группой советских войск в Германии. И вот он приехал в распоряжение нашей 197 отдельной артбригады на встречу с избирателями. К тому времени я был уже в звании сержанта, командиром орудия, комсоргом батареи.

Появление Г.К. Жукова в президиуме все встретили стоя, бурно аплодируя. Выглядел он как на портретах — строгий, серьезный, сосредоточенный. Он рассказал о начале войны, ее причинах и о том, как он от имени Советского правительства подписывал в Потсдаме акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

Мне приятно сознавать, что я участвовал в этой встрече, лично видел Г.К. Жукова, командующего Первым Белорусским фронтом, в составе которого мне пришлось воевать.

А.В. Калашников в 1945 г. в полковой школе

ОБ АВТОРЕ

После войны в 1947 г. А.В. Калашников был демобилизован. Работал на восстановление родного города Запорожья, где и познакомился со своей будущей женой.

1956 г. закончил Днепропетровский горный институт, получил профессию горного инженера.

В конце 1957 года по приглашению директора янтарного комбината Александр Васильевич переехал в пос. Янтарный, Калининградской области. Проработав на комбинате почти 50 лет, руководил горными работами в разных должностях.

Сейчас, уйдя на заслуженный отдых, Александр Васильевич не теряет своей активности — является членом Совета ветеранов и постоянным нештатным корреспондентом местной газеты, где пишет о заслуженных ветеранах своего поселка и откликается на злободневные темы, высказывая свое мнение.

В 2005 году Александру Васильевичу Калашникову было присвоено звание «Почетный гражданин Янтарного городского округа».

Недавно Александр Васильевич отметил свой 90-й день рождения и бриллиантовую свадьбу — 60-летие совместной жизни со своей любимой супругой Валентиной Алексеевной.

В день регистрации бракосочетания 30 августа 1954 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	2
Галя с острова Хортица	3
Август сорок первого	8
Подвиг нашей матери	10
Родились в рубашках	15
Побег	17
О братьях	21
Висла	23
Мой Первый номер	28
Вот она, Германия!	29
Марта	33
На Одерском плацдарме	35
Атабаев	38
Прорыв	39
Ключ от Берлина	43
Штурм Берлина	44
Охота на «Тигра»	48
Дошли!	50
2 мая 1945-го	53
Первый День Победы. Встреча с Г.К. Жуковым.	55
Об авторе	60

Орфография и пунктуация сохранены в авторской редакции.

Свёрстано и отпечатано в ФГУП «И и Т газеты
«Страж Балтики» Минобороны России,
236006, г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15.
Заказ № 573. Тираж 300 экз.